

ДУХ МЕЛИНГА НАД БЕРЕГАМИ ОНЕГО...

Сергей ДРУГОВ
г. Петрозаводск

О поэме Ф. Н. Глинки «Карелия,
или Заточение Марфы Иоанновны Романовой»

1

2

30 июня 1826 года (по ст. стилю) почтовая тройка прибыла на центральную площадь маленького губернского города Петрозаводска. Представим себе, как сошел с повозки мужчина средних лет, который еще недавно был завсегдатаем столичных литературных кружков, публикуемым поэтом и офицером. Подавленный после месяцев заключения в глухой Петропавловской крепости, по ступеням взошел он в полукруглое каменное здание канцелярии, где его уже ждал губернатор Тимофей Ефремович Фандер-Флит.

«Боже, в какую глушь я попал», — такой могла быть первая мысль и ссыльного государственного преступника, и его нового начальника, мечтавшего перенести центр Олонецкой губернии подальше от пропахшего обработанным железом и порохом городка.

Федор Николаевич Глинка родился в 1786 году в имении в Смоленской губернии. Происходил будущий поэт из старинного дворянского рода Глинка, ведущего свою родословную из Польши. Будучи болезненным ребенком, мальчик получил домашнее образование, а в 1796 году был отдан в первый кадетский корпус в Петербурге.

Став офицером, Ф. Глинка участвовал в первой кампании против наполеоновской Франции 1805 года, а затем — в войне 1812-го. Как и многие офицеры своего поколения, Ф. Глинка был причастен к деятельности тайных обществ, более того — в 1816 году он стал одним из руководителей Союза благоденствия. После восстания декабристов по империи прокатились репрессии. И пусть 14 (26) декабря 1825 года Ф. Глинка не присутствовал на Сенатской площади, но все же был арестован в

феврале 1826-го. [1, здесь и далее см. примечания в конце статьи.]

После тринадцати недель в Петропавловской крепости поэт отправился в бессрочную ссылку в «край холодный и пустынный». В Карелии ему доведется провести период с 1826-го по 1830 год.

Вероятно, эти строки поэта передают настроения, преобладавшие в душе его в тот период:

*Окрестность дикую пестря,
Вдали, как пятна, нивы с хлебом,
И на томпаковое небо
Взошла кровавая заря.
Питомец ласкового юга
Без чувств, без мыслей вдаль глядит
И, полный грусти, как недуга,
О ней ни с кем не говорит.*
(Ф. Глинка, «Летний северный вечер»)

3

Трудясь в губернских присутственных местах, Ф. Глинка путешествовал по Олонецкой губернии, неоднократно бывал в Повенецком уезде, в Заонежье. Он общался с крестьянами, знакомился с их бытом, специфическими карельскими словами. Все это не могло не отразиться на его творчестве. Во время ссылки Ф. Глинка написал несколько десятков стихотворений и две поэмы. Опираясь на собственные наблюдения, почерпнутые сведения, к «олонецким поэмам» автор добавил обширные заметки и очерки из жизни местного населения. Современные исследователи сравнивают эти комментарии с набросками к этнографическим статьям. [2]

Надо заметить, поэты эпохи Ф. Глинки в своем творчестве нередко совмещали пейзажные описания, весьма «экзотические» в сравнении с бытом петербургских аристократов, и достаточно детальные замечания о жизни народа, его истории, обычаях, верованиях. К примеру, Евгений Баратынский в своих финских стихах погружал читателей в атмосферу загадочного северного края с помощью пейзажных картин и обращений к мифам, прошлому. В стихотворении «Финляндия» «гра-

ниты вековые» сторожат «венец земли», север мифологизирован:

*Так вот отечество Одиновых детей
Грозы народов отдаленных!*
(Е. Баратынский, «Финляндия»)

Этим строкам Баратынского созвучны пейзажные зарисовки поэта Кондратия Рылеева. Уже в первых строках поэмы «Войнаровский» читателей встречала запредельно дикая и холодная Якутия, где томился пленник гетмана Мазепы — ссыльный казак Войнаровский:

*Всегда сурова и дика
Сих стран угрюмая природа;
Ревет сердитая река,
Бушует часто непогода,
И часто мрачны облака...*
(К. Рылеев, «Войнаровский»)

Так что в выборе поэтического материала, литературных приемов Ф. Глинка был не уникален. Заметим, исследователь В. Г. Базанов даже сопоставлял пейзажные зарисовки из двух поэм — «Карелия» и «Войнаровский» — и пришел к выводу, что невнимательный читатель легко может спутать их между собой. [3] Тем не менее в произведениях периода карельской ссылки ясно прослеживаются черты, ставшие знаковыми для складывания художественного мира поэта. Глинка умел видеть красоту, многозначность природы, и богатая пейзажность в его произведениях сопряжена с надрывом, который поэт передает с помощью элегических интонаций. Пребывая в Карелии в период вынужденного отлучения от столиц, он создавал в своем творчестве поэтический образ северного края — далекого, чуждого, враждебного:

*Над озером, Габ-озером,
Сидит, грустит унылый птах.
Не здешний он: из дальних стран!
Пришиблен он невзгодой,
Привязан он хворобою!
Сидит, грустит залетный птах!*

*Никто ему ни свой, ни брат!
Один-одним, сироточка!
(Ф. Глинка, «Олонецкая песня»)*

Похожие мотивы видим и в этих строках:

*Ничто не движется, безлюдный берег спит.
И волны тихие смешались с небесами,
Чуть слышен гул грозы — и молния горит
Над повенецкими лесами...
Торчат, как призраки, огромные скалы,
Природы древние обломки.
(Ф. Глинка, «Вздох»)*

И все же наиболее полно и глубоко образ северного края воссоздан Глинкой в поэме «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой».

4

Поэма «Карелия...» — признанная жемчужина в поэтическом наследии Ф. Н. Глинки. Впервые она была напечатана в 1830 году и получила хорошие отзывы от критиков, в том числе от самого А. С. Пушкина. [2] Он писал: «Из всех наших поэтов, Ф.Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармоничной точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете Князя Вяземского в стансах метафизических, или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергичная пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной — все дает особенную печать его произведениям». [4]

Действие в поэме «Карелия...» происходит во времена правления Бориса Годунова. Цен-

тральная героиня поэмы — Марфа Иоанновна Романова, до пострижения Ксения Шестова, родившаяся в 1570-е годы, — это мать будущего царя Михаила Романова. Она находится в заточении в Выгорецком стане на севере Онежского озера.

Завязка поэмы Глинки отражает реальные исторические события. После того как династия Рюриковичей прервалась, боярские роды начали борьбу за власть. Победителем вышел Годунов. Чтобы обезопасить трон, в 1601 году Годунов насильно постриг боярина Федора Романова в монахи и отправил его под Архангельск. Будущего царя Михаила вместе с сестрой Татьяной отправили в Белоозеро, а мать семейства — в заонежское поселение Толвуя, где ее насильно постригли в инокини и нарекли Марфой. Современные историки полагают, что боярыня уже в 1602 году могла воссоединиться с детьми в Юрьеве-Польском уезде. Но во времена Ф. Глинки считалось, что в ссылке она пробыла до 1605 года, что создает поэту почву для развития литературного сюжета о долгой и томительной неволе. [5]

В поэме Глинки узница знакомится с крестьянином Никанором, который, дабы развеять тоску царицы, приводит к ней безымянного монаха. Отшельник трижды встречается с Марфой, рассказывая ей о своем путешествии из Константинополя в северный край, о духовных поисках и прозрениях. Между второй и третьей встречами в сюжете есть подобие интерлюдии: к Марфе приходит десятилетняя Маша, дочь Никанора, которая рассказывает царевне сказки (и былички) про лесных духов. Заканчивается поэма тем, что за узницей приезжают посланцы из Москвы и забирают ее из ссылки.

Можно предположить, что в образе карельской узницы Ф. Глинка представил себя. Он будто бы неслучайно выбрал один из самых тяжелых периодов русской истории (начало Смутного времени), создав тем самым переключку со «смутой» 1825 года.

Автор лишил Марфу Иоанновну собственного голоса, объяснив молчание героини следующим образом: «Наконец, при прочтении всего стихотворения может возникнуть во-

прос: отчего так мало действует, особенно мало разговаривает, сама Марфа Иоанновна. Я размышлял о сем и нахожу, что по важности ее сана ей нельзя было дать разговора о предметах неважных; о важном же, собственно до нее касающемся, ей говорить было не с кем. Подле нее не было своего человека, которому бы она могла раскрыть душу, поверить тайны сердца». (Ф. Глинка, «Карелия...», Введение)

В июне 1827 года во время служебной командировки поэт побывал в Толвуйском погосте, где некогда находился уединенный терем Марфы. Ф. Глинка уверял, что позади крестьянских строений он увидел площадь, огороженную тыном, на которой еще был виден фундамент из огромных камней. [6] Свидетельства Глинки ставят под сомнения рапорт петрозаводского уездного исправника Виктора Беляева. Последний побывал в Толвуге гораздо позже, в 1878 году, и не нашел свидетельств тому, что во времена поэта здесь сохранялись хоть какие-то материальные следы терема Марфы Иоанновны. [7]

Однако поэма — это художественное произведение, значит, автор имеет право на вымысел, в том числе во вступлении, где поэт обрисовывает свое отношение к теме. Понимание Ф. Глинкой истории, его личный религиозный опыт, наблюдения переплетены с лирическими зарисовками, фантазиями. Карелию начала XVII века в одноименной поэме Ф. Глинки нельзя считать достоверной. Это воображаемый северный край, населенный героями как вымышленными, так и имеющими реальные прототипы.

Основной сюжет предваряет длинный пролог, занимающий едва ли не десятую часть поэмы. Цель пролога — создать определенное настроение, погрузить читателя в атмосферу места. Какой предстает Карелия Ф. Глинки в первых строках поэмы?

*Пуста в Кареле сторона,
Безмолвны Севера поляны;
В тиши ночной, как великаны,
Восстав озер своих со дна,
Одни, встревожась, плещут рыбы,
Иль крики чаек на водах*

Пустынный отзыв оживляют.

Порою на пустых берегах.

(Ф. Глинка, «Карелия...». Введение)

Это дикий край. И вроде бы вокруг ничего не случается: Карела лишена всякого активного действия, не происходит событий, которые отвлекли бы случайного наблюдателя от созерцания безлюдного, пустынного мира.

Слово «пустынь» в русской традиции обычно ассоциируется с уединенным уголком, в котором от невзгод внешнего мира прячутся одинокие странники и безмолвствующие монахи. В краю, описанном Ф. Глинкой, схиму (молчание) принимает и «сын Карелы», редкий гость, странствующий среди вызывающего многообразие сияющих озер, алмазных верхушек елей, небесных огней.

Но для кого сей блеск утешен?

В глуши безлюдья своего

Сей край порадует кого?

(Ф. Глинка, «Карелия...». Введение)

В поэме эти вопросы звучат риторически. «Пустынь карельских озерá», «чуть уцелевшие потомки / былых, первоначальных гор» (Ф. Глинка, «Карелия...», Введение) существуют безотносительно к человеческому присутствию. И кажется, сам монотонный слог поэта полон тоски.

В одном из своих писем Ф. Глинка отмечал: «Здесьняя существенность со стороны природы величественна. Все в необъятно огромных размерах. В одном месте видите озеро Онегу с десятью тысячами квадратных верст ее влажной площади; в другой стороне непроходимые леса растут и согнивают на огромном квадрате из пяти тысяч верст. Во всей Олонецкой губернии сто шестнадцать тысяч верст, а жителей едва до 100 тысяч! И сие-то безлюдие наводит уныние, если захочешь сообщаться со внешним миром». [8]

Сюжет поэмы разворачивается в унисон мрачному настроению пейзажа. В первой главе узница толвуйского терема знакомится с безымянным отшельником, всё действие сводится к

разговору: монах рассказывает свою историю, которая во многом повторяет житие реального святого Лазаря Муромского. [9] Во второй главе отшельник продолжает рассказывать свою историю, значительная часть отведена лирическим зарисовкам:

*Сребро и бисеры блестят,
И с желтым золотом, полосами,
Оттенки алые горят,
И тихо озера лежат
На рудяных своих постелях,
Уж сосны золотятся днем,
И с красногрудым снегирем
Клесты кричат на острых елях...
Но пусто все на сих берегах,
И грустно в пасмурном затворе!*
(Ф. Глинка, «Карелия...». Часть вторая)

5

В 1830 году Ф. Н. Глинка отправил А. С. Пушкину свою поэму с такими словами: «Приемлю смелость (хотя и трудно на это отважиться!) препроводить к вам мою «Карелию» — произведение лесное и горно-каменное. Наши критики читают глазами то, что написано от души. Но вы, которому далась и природа внешняя, со всем великолепием своего разнообразия; и природа внутренняя человека с ее священной таинственностью, вы, может быть, заметите в «Карелии» чувствования, незаметные другим или другими пренебрегаемые». [10] Так вот это «лесное» и «горно-каменное», вплетаясь в строки поэмы Глинки, как будто предопределяет развитие сюжета.

А что, если именно монах является центральным персонажем поэмы? Сделаем такое допущение вслед за исследовательницей В. А. Галановой [11]. Тогда северная природа способствует раскрытию его сюжетной линии и замысла произведения. Уже не Марфа Иоанновна, но отшельник с его опытом отчуждения от мира выходит на передний план. И погрузить странника в добровольное изгнание, оставить его наедине с Богом помогает специфика места, о котором пишет поэт:

*Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам, —
Везде пустыня: здесь и там...
И от озер студеным веет...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;
И в самом мае по утрам
Блестает серебро мороза...
Мертвеет долго все...
(Ф. Глинка, «Карелия...». Часть вторая)*

В рассказе отшельника безлюдный северный край становится местом тихого уединения и молитвы. Блеск озер пусть не утешение, но место единения с вечностью:

*Тут буду я! Тут, жизнь, теки!..
О счастье жизни сей волнистой!
Где ты — в чертоге ль богача,
В обетах роскоши нечистой,
Или в Карелии лесистой
Под вечным шумом Кивача?
(Ф. Глинка, «Карелия...». Часть вторая)*

6

Еще в прологе «Карелии...» Ф. Глинка коротко поведал, как, по его ощущению, северный край влияет на творческий потенциал поэта:

*Нема, глуха страна сия!
Здесь нет Орфея—соловья.
(Ф. Глинка, «Карелия...». Введение)*

Согласиться с ним сложно, ведь известно: «Орфей—соловей» посещал эти места. Было это за несколько десятилетий до Ф. Глинки. Речь о Гаврииле Романовиче Державине, крупном знаковом поэте для русского классицизма, авторе знаменитой оды «Водопад».

Державин так прочувствовал и в стихах воплотил волнующую красоту здешних мест:

*Алмазна сыплется гора
С высот четырех скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.*
(Г. Державин, «Водопад»)

Далее Державин переключился с северного пейзажа на трагическое для России того периода событие — он пишет о смерти графа Григория Александровича Потёмкина-Таврического, а затем подключает общечеловеческий контекст — рассуждения об истории и памяти:

*Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе Природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу, некий муж седой
Склонился на руку главой.*

*Сидит — и, взор вперяя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человек нам
Сей водопад изображает?...»*
(Г. Державин, «Водопад»)

В оде «Водопад» почти нет собственно Кивача как явления природы в чем-то уникального, самобытного. Подобно реке, уносящей в океан забвения народы и царства, классицизм уносит мысль Державина в русло философское.

Вполне возможно, что описание природы и основная часть оды были написаны в разное время. Автор будто бы ждал момента, события, к которому можно будет привязать эту пейзажную зарисовку. Или, как отметил В. Г. Базанов в 1950-е годы, пейзаж Карелии у Г. Державина — это лишь подступ к размышлениям, которому грозит «полное развеществление, переход на подчиненную роль символа и эмблемы». [12]

А каким предстает водопад Кивач в поэме Ф. Глинки?

*Но что шумит?.. В пустыне шепот
Растет, растет, звучит, и вдруг
Как будто конной рати топот*

*Дивит и ужасает слух!
Гул, стук!.. Знать, где-то строят грады!
Свист, визг!.. Знать, целый лес
пилят!*
*Кружатся, блещут звезд громады,
И вихри влажные летят
Холодной, стекловидной пыли.
Кивач! Кивач!.. Ответствуй, ты ли?..
И выслал бурю он в ответ!*
(Ф. Глинка, «Карелия...». Часть вторая)

Кивач у Г. Державина — это символ неумолимого хода истории, исчезновения всякой земной славы в потоки времени. Но заметим: с таким же успехом поэт мог бы использовать описание порогов Рейна или обратиться к безымянному фонтану, как это в свое время сделает Федор Тютчев. Напротив, у Ф. Глинки Кивач конкретен и детализирован. Это точка на карте дикой Карелии, место самоотречения отшельника, его слияния с волей Создателя:

*Над Кивачом, на выси дальней
Горит алмазная звезда...
Так и в душе моей печальной
Звездится радость иногда.
Но скоро дум докучных тучи
Ложатся на минутный свет:
Вот подо мной песок зыбучий.
И мне в земном опоры нет!
Подай с небес, Отец, мне руку,
Меня на скользком укрепи,
Отвей любви дыханьем муку
И посвети в глухой степи!
Я без приюта, без возжатых,
Впотьмах над бездной я стою!
Тут глубь, там грома перекаты —
Я Твой! Храни главу мою.*
(Ф. Глинка, «Карелия...». Часть четвертая)

Дальнейший ход сюжета поэмы не преподносит читателю сюрпризов: третья глава посвящена сказкам, которые крестьянская девочка Маша рассказывает тоскующей узнице. Богатырь Заонега, победивший змея Тугарина, путешествует по пустынным землям Карелии, слыша от лесных духов скорбную песнь о грехопадении:

*Зачем он, бедный, пал,
Оброс грехом и стал так мал —
Забыл свое предназначенье!..
Ныл век, когда его был рай!..
Теперь, возвышенного чуждый,
Зарылся он в земные нужды...
Родись, томись и умирай!
Что день, что час — все ближе к гробу!
(Ф. Глинка, «Карелия...». Часть третья)*

7

Поэма «Карелия...» Ф. Глинки завершается, но как будто без участия его главных героев: они по-прежнему бездеятельны.

После третьего визита отшельника, во время которого он поведал Марфе о своих видениях, приходит радостная весть об освобождении карельской узницы. По воле Бога или судьбы она возвращается в Москву, а читатель вновь остается один на один с северным безмолвием:

*Но что о прежнем вспоминать?
Оно прошло уж, время злое!..
И кроткая царева мать
Давно уж на Москве. А терем?
С годами тихо он ветшал,
Но раз нашел с Онеги вал...
И чем преданье мы проверим?..
Теперь уж с давних, давних лет
Былого терема там нет.
(Ф. Глинка, «Карелия...». Эпизод)*

Таким образом, герои поэмы за все время развития сюжета (исключим рассказы о прошлом, сказки) не предприняли никаких видимых активных действий. В центре внимания поэта были их внутренние переживания, но страдания сглаживались путем созерцания и единения с вечностью.

8

Северную природу в поэме Ф. Глинки можно с оговорками рассматривать в парадигме романтической поэзии. По словам литературоведа Ю.В. Манна, романтическая

поэзия строится на противопоставлениях. Живущий в экзотической натуральной среде герой противопоставлен жителю современного города, дух просвещения — живому чувству. Подпитанный элегическими настроениями и представлениями о деревенской идиллии, конфликт двоемирия в поэзии романтизма доходит до предела. Романтические герои, подобно мыслителю романтизма, бегут от строгой системы к свободе сумеречных мыслей и тезисов. [13]

Отшельник у Ф. Глинки нашел покой в лесной глуши, удалившись от мира с его страстями и искушениями. Но в отличие от прочих героев романтической поэзии, персонажи поэмы «Карелия...» лишены земных страстей в актуальном времени, в момент развития сюжета. В пространстве поэмы, на северной окраине мира они могут лишь предаваться меланхолии и тихой молитве. И в этом проявляются не только их индивидуальные жизненные обстоятельства (изгнание, бегство), но и характер самой карельской земли, каким он представляется поэтам.

О.Б. Вайнштейн, филолог и историк, отмечала, что романтизм — это попытка создать нового субъекта, поставив его один на один с объектами, с вещами как они есть, без посредников. В подобном подходе прослеживается фундирующее влияние Иммануила Канта, который в конце XVIII в. «отрезал» человеческий разум от «вещи в себе», бытия как оно есть безотносительно к разуму. Неудивительно, что романтизм, как первая реакция на тот «коперниканский переворот» И. Канта, попытался вернуться к вещам со стороны самого бытия, сохраняя при этом возникшую дихотомию между субъективностью и объективностью, между человеком и миром. [14]

Во многом в романтической поэзии прослеживается влияние Фридриха Вильгельма Шеллинга и его философии природы. Ф.В. Шеллинг развивал кантианские вопросы бытия вещей, независимых от сознания, и пришел к идее тождества материи и духа. Эти два начала не существуют отдельно друг от друга, но крепко спаяны. Природа, веще-

ственный мир находятся в постоянном движении, в динамике, и человеческий разум здесь лишь точка в этом сплошном движении. Поэтому мир природы не является внешним по отношению к человеку, но предшествует человеку и полностью раскрывается в его разуме. [15]

Пусть «Карелия...» Ф. Глинки не воплощает философию Ф. В. Шеллинга в поэзии определенно, но становится созвучной его идее о материальном, предшествующем идеальному. Подчеркнем, Глинка был знаком с философией Шеллинга на уровне обзорных лекций. В письме издателю «Московского вестника» Михаилу Погодину Ф. Глинка писал: «В разных местных журналах я замечаю также мысли, заимствованные у философии Шеллинга: некогда я с жадностью слушал лекции сей философии, содержание оных сохранилось еще у меня в тетрадах. Важное понятие о безусловном, о Гармонии мира уясняет мысли, возвышает душу». [16]

Поэма «Карелия...» накладывается на философию Шеллинга, словно слова и музыка, сочиненные независимо друг от друга, но звучащие в гармонии. Пустынная карельская природа предопределяет ход мышления и чувствования персонажей поэмы в высшем шеллингианском смысле.

В 1826 году поэт признавался писателю, журналисту Владимиру Измайлову: «Что я писал, то писал по обстоятельствам и для того только, чтобы облегчать сердце, облекая холодною буквою кипящее чувство, которое иногда волнуется в груди и требует быть выраженным. Я не классик и не романтик, а что-то сам не знаю, как назвать!» [17]

Не считая себя исключительно поэтом-романтиком, Ф. Глинка очень осторожно, с опорой на классицизм прощупывал туманную, неопределенную природу вещей, скрытых от проникновенного взгляда субъекта, «Орфея-соловья». Человек в поэтическом мире Ф. Глинки всегда изгнанник, узник, отброшенный на окраину мироздания. Но именно в пустынном краю, доверившись зову запредельного, можно разглядеть невечерний свет в туманном мареве Онежского озера.

Примечания

1. Арест Глинки связан с тем, что на его квартире проходили собрания Союза благоденствия. Сам поэт за несколько дней до восстания на Сенатской площади встречался с Кондратием Рылеевым. См.: Пашков А. М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 1. Петрозаводск, 2001. С. 45-65.

2. Зайцева Н. В. Археолого-этнографические увлечения Ф. Н. Глинки в контексте его «деятельной жизни» // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. № 3. С. 291-297.

3. Базанов В. Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. Петрозаводск, 1955. С. 58-69.

4. Отзыв Пушкина о «Карелии» Ф. Н. Глинки // Фундаментальная электронная библиотека. [Электронный ресурс] URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/psr/psr2009>

5. Пашков А. М. Заонежская ссылка Марфы Ивановны Романовой в исторической памяти и краеведческой традиции жителей Карелии XVII — середины XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17 (139). С. 113-129.

6. Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957. С. 403.

7. Документ с рапортом хранится в Национальном архиве Республики Карелия и ранее не публиковался. Полный текст рапорта приведен далее. (НА РК, ф.27, оп.2, д.14/2. Л.3, 4.)

«Дело о доставлении сведений о розыске в с. Толвуйе места терема царицы — инокини Марфы Иоанновны, посланной в заключение в Заонежье Борисом Годуновым. Рапорт петрозаводского уездного исправника по этому поводу (1878).

Вследствие предписания Олонецкого Губернского Статистического Комитета от 26 июля за №283 о собрании в Толвуйском погосте сведений о месте нахождения терема Царицы Инокини Марфы Ивановны, я имею честь донести Статистическому Комитету, что в Толвуйском погосте имеются признаки фундамента (грядя камней) бывшего острога или тына, внутри которого, по преданию, находился уединенный терем Царицы Инокини Марфы Иоанновны, родоначальницы Царствующего дома; фундамент этот квадратный в окружности 264 сажени; внутри этого квадрата стоят две церкви, одна деревянная во имя Святой Троицы и другая каменная во имя Георгия Победоносца и семь домов со службами.

По словам старожилы отставного Причетника Толвуйского погоста Ефима Григорьева Велеславова, имеющего от роду в настоящее время 80 лет, терем Царицы Инокини Марфы Иоанновны стоял на юго-востоке от

церквей и на том самом месте впоследствии был поставлен дом со службами его Велеслава, каковой дом и ныне существует и принадлежит священнику Раевскому; сам же он Велеслав никаких признаков терема уже не видел и не помнит.

В 1827 году, к каковому времени относится пребывание Глинки в Олонецкой губернии, он Ефим Велеслав состоял Причетником Толвуйского погоста, имел тогда тридцать лет от роду, и утверждает, что никаких признаков жилища Русской Государыни или фундамента терема тогда уже не существовало».

8. Глинка Ф. Н. Письма к другу. М., 1990. С. 481.

9. Как и безымянный герой поэмы «Карелия...», Лазарь отправился из Византии на север после видения. Во сне к нему пришел настоятель Василий из Великого Новгорода, с которым Лазарь уже встречался во время посещения Руси. Прodelав большой путь, грек остановился в глухих местах. Озеро Муромское (от вепсского «murtt» — морощка), соединенное с Онего небольшим перешейком, и сегодня удалено от путей сообщения. Переписанная копия «Жития Лазаря Муромского» попала к Глинке через местного купца, а с историей святого поэта познакомил первый петрозаводский краевед Тихон Баландин. См.: Пашков А. М. «Житие Лазаря Муромского» как сюжетный источник поэмы Ф. Н. Глинки «Карелия» // Проблемы исторической поэтики. 2014. №12. С. 112-124.

10. Глинка Ф. Н. Письма к другу. М., 1990. С. 490-491.

11. Галанова В. А. Карельская эпическая поэма Ф. Н. Глинки как историко-христианская легенда //

Верхневолжский филологический вестник. 2021. №3 (26). С. 24-28.

12. Базанов В. Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. Петрозаводск, 1955. С. 27.

13. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 133-164.

14. Вайнштейн О. Б. Язык романтической мысли: о философском стиле Новалиса и Фридриха Шлегеля. М., 1994. С. 30-34.

15. «Природа в себе, или вечная природа, есть именно дух, переведенный (gebopte) в объективное, есть введенная в форму сущность бога, только в нем это введение непосредственно заключает другое единство. По сравнению с этим являющаяся природа есть являющееся как таковое, или в особенности, преобразование сущности в форму, следовательно, есть вечная природа, поскольку она определяет саму себя к телесности и, таким образом, представляет саму себя посредством самой себя как особенную форму». Шеллинг Ф. В. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. СПб., 1998. С. 141-142.

16. Глинка Ф. Н. Письма к другу. М., 1990. С. 484.

17. Там же. С. 473-474.

Сергей ДРУГОВ

родился в 1998 году в Вологде. Окончил Петрозаводский государственный университет (Институт истории, политических и социальных наук) и Национальный исследовательский университет ИТМО (направление «Инноватика»). По основному роду деятельности краевед-экскурсовод, ведущий просветительского проекта «Урбан Наволок» и соавтор проекта «Карманная тайга». Пишет стихи под псевдонимом Ян Немич. Публиковался в журнале «Verba» (ПетрГУ), на литературном портале «Полутона».

